

ПОЭТ И ЯЗЫК

(Dante Alighieri, Ronsard & Du Bellay,
Shakespeare и Пушкин — первые поэты своих
стран, писавшие на современном языке)

An Hour of Poetry
НМУ, 27.02.2014

Dante Alighieri

(1265–1321)

Nel mezzo del cammin di nostra vita
mi ritrovai per una selva oscura
ché la diritta via era smarrita.

Ahi quanto a dir qual era è cosa dura
esta selva selvaggia e aspra e forte
che nel pensier rinova la paura!

Tant'è amara che poco è più morte;
ma per trattar del ben ch'i' vi trovai,
dirò de l'altre cose ch'i' v'ho scorte.

Io non so ben ridir com'i' v'intraì,
tant'era pien di sonno a quel punto
che la verace via abbandonai.

(Canto I, 1-12)

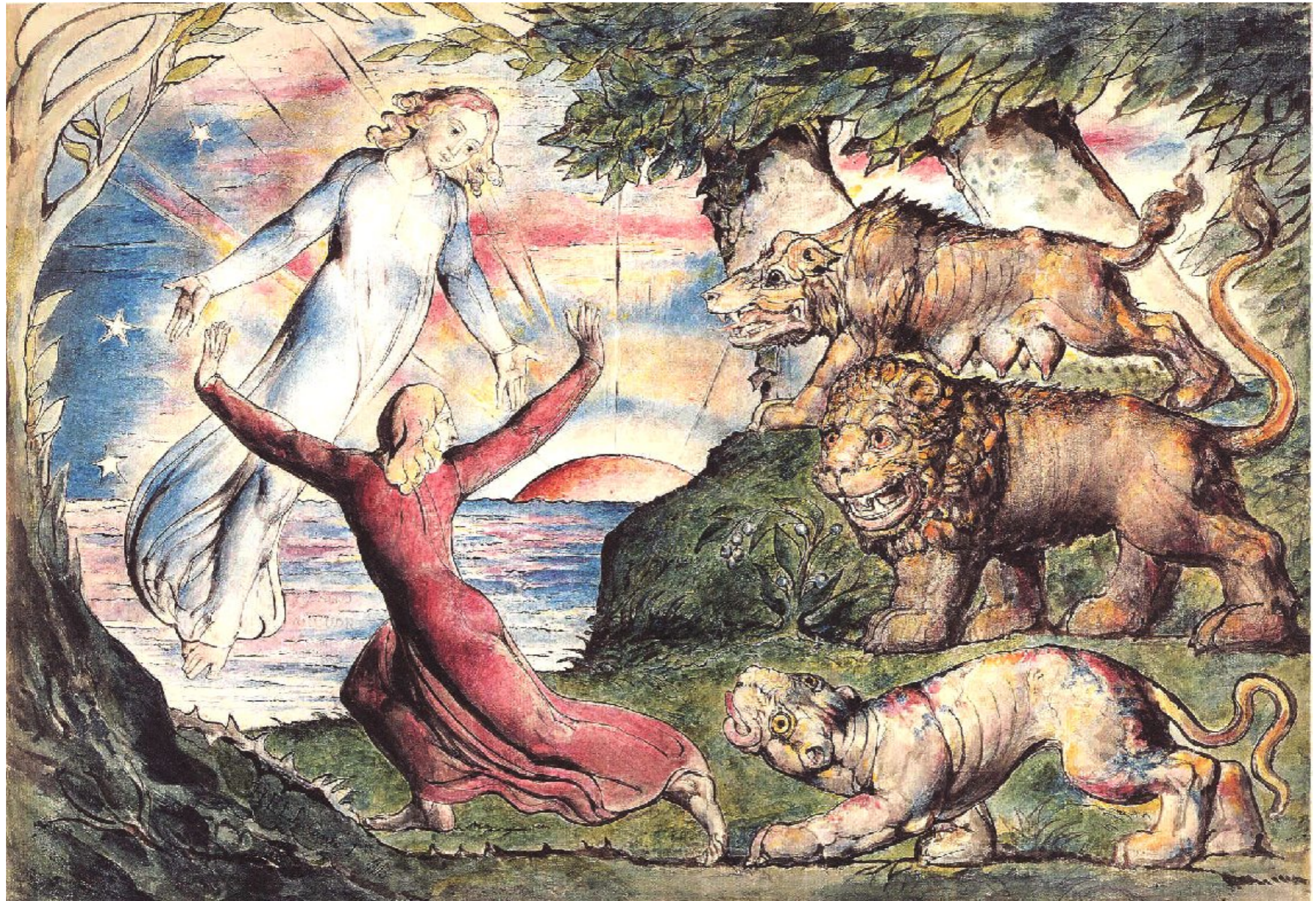
Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.

Каков он был, о, как произнесу,
Тот дикий лес, дремучий и грозный,
Чей давний ужас в памяти несусь!

Так горек он, что смерть едва ль не слаще.
Но, благо в нем обретши навсегда,
Скажу про все, что видел в этой чаще.

Не помню сам, как я вошел туда,
Настолько сон меня опутал ложью,
Когда я сбился с верного следа.

(Перевод М. Лозинского)

Per me si va ne la città dolente,
per me si va ne l'eterno dolore,
per me si va tra la perduta gente.

Giustizia mosse il mio alto fattore:
fecemi la divina podestate,
la somma sapienza e 'l primo amore.

Dinanzi a me non fuor cose create
se non etterne, e io eterno duro.
Lasciate ogni speranza, voi ch'intrate.

(Canto III, 1-9)

Я УВОЖУ К ОТВЕРЖЕННЫМ СЕЛЕНЬЯМ,
Я УВОЖУ СКВОЗЬ ВЕКОВЕЧНЫЙ СТОН,
Я УВОЖУ К ПОГИБШИМ ПОКОЛЕНЬЯМ.

БЫЛ ПРАВДОЮ МОЙ ЗОДЧИЙ ВДОХНОВЛЕН:
Я ВЫСШЕЙ СИЛОЙ, ПОЛНОТОЙ ВСЕЗНАНЬЯ
И ПЕРВОЮ ЛЮБОВЬЮ СОТВОРЕН.

ДРЕВНЕЙ МЕНЯ ЛИШЬ ВЕЧНЫЕ СОЗДАНИЯ,
И С ВЕЧНОСТЬЮ ПРЕБУДУ НАРАВНЕ.
ВХОДЯЩИЕ, ОСТАВЬТЕ УПОВАНИЯ.

(Перевод М. Лозинского)

William Shakespeare

(1564–1616)

Macbeth

ALL: The weird sisters, hand in hand,
Posters of the sea and land,
Thus do go about, about:
Thrice to thine and thrice to mine
And thrice again, to make up nine.

Peace! the charm's wound up.

< . . . >

FIRST WITCH: All hail, Macbeth! hail to thee, thane of Glamis!
SECOND WITCH: All hail, Macbeth, hail to thee, thane of Cawdor!
THIRD WITCH: All hail, Macbeth, thou shalt be king hereafter!

FIRST WITCH: Lesser than Macbeth, and greater.
SECOND WITCH: Not so happy, yet much happier.
THIRD WITCH: Thou shalt get kings, though thou be none:

ALL: So all hail, Macbeth and Banquo!

< . . . >

Banquo: The earth hath bubbles, as the water has,
                                  And these are of them.
                                  Whither are they vanish'd?

Macbeth: Into the air; and what seem'd corporal
                                  Melted as breath into the wind.
                                  Would they had stay'd!

ПАСТЕРНАК

Банко: Земля пускает также пузыри,
                                  Как и вода. Явились на поверхность
                                  И растеклись.

Макбет: Рассеялись, как пар,
                                  И в воздухе растаяли бесследно.
                                  А жаль, что скрылись. Я б их расспросил.

ЛОЗИНСКИЙ

Банко: Земля рождает пузыри, как влага.
                                  Они – такие. Где они? Исчезли.

Макбет: Телесный облик в воздухе растаял,
                                  Как вздох в порыве ветра. Я жалею.

КРОНЕНБЕРГ (1846)

Земля, как и вода, содержит газы –
И это были пузыри земли.

Tomorrow, and tomorrow, and tomorrow,
Creeps in this petty pace from day to day,
To the last syllable of recorded time;
And all our yesterdays have lighted fools
The way to dusty death. Out, out, brief candle!
Life's but a walking shadow, a poor player
That struts and frets his hour upon the stage
And then is heard no more. It is a tale
Told by an idiot, full of sound and fury
Signifying nothing.

(Macbeth, Act V, Scene 5)

Мы дни за днями шепчем: «Завтра, завтра»
Так тихими шагами жизнь ползет
К последней недописанной странице.
Оказывается, что все «вчера»
Нам сзади освещали путь к могиле.
Конец, конец, огарок догорел!
Жизнь – только тень, она – актер на сцене.
Сыграл свой час, побегал, пошумел –
И был таков. Жизнь – сказка в пересказе
Глупца. Она полна трескучих слов
И ничего не значит.

(Перевод Б.Л.Пастернака)

Sonnet 73

That time of year thou mayst in me behold
When yellow leaves, or none, or few, do hang
Upon those boughs which shake against the cold,
Bare ruined choirs, where late the sweet birds sang.
In me thou see'st the twilight of such day
As after sunset fadeth in the west;
Which by and by black night doth take away,
Death's second self, that seals up all in rest.
In me thou see'st the glowing of such fire,
That on the ashes of his youth doth lie,
As the death-bed, whereon it must expire,
Consumed with that which it was nourish'd by.
This thou perceiv'st, which makes thy love more strong,
To love that well, which thou must leave ere long.

Ты узнаешь во мне то время года,
Когда на голых ветках, там и тут,
Желтеет лист и треплет непогода,
Как ветхий клирос, певчих птиц приют.
Во мне ты видишь сумерки: темнеет,
Закат на западе почти погас,
И ночь мало по малу всё плотнее
Как смерть во мрак укутывает нас.
Во мне, ты видишь, тлеть теперь лишь может
Огонь на пепле юности своей,
Он угасает, как на смертном ложе,
Среди питавших жар его углей.
Ты видишь всё и любишь тем сильнее,
Что для любви осталось мало дней.

(Перевод В.К.Житомирского)

Pierre de
Ronsard

(1524–1585)

Joachim
du Bellay

(1522–1560)

Pierre de Ronsard (1524–1585)

Mignonne, allons voir si la rose
Qui ce matin avait déclose
Sa robe de pourpre au Soleil,
A point perdu cette vesprée,
Les plis de sa robe pourprée,
Et son teint au vôtre pareil.

Las ! voyez comme en peu d'espace,
Mignonne, elle a dessus la place
Las! las! ses beautés laissé choir !
Ô vraiment marâtre Nature,
Puis qu'une telle fleur ne dure
Que du matin jusques au soir !

Donc, si vous me croyez, mignonne,
Tandis que vôtre âge fleuronne
En sa plus verte nouveauté,
Cueillez, cueillez votre jeunesse :
Comme à cette fleur la vieillesse
Fera ternir votre beauté.

(Les Amours, 1553)

Пойдем, возлюбленная, взглянем
На эту розу, утром ранним
Расцветшую в саду моем.
Она, в пурпурный шелк одета,
Как ты, сияла в час рассвета
И вот – уже увяла днем.

В лохмотьях пышного наряда –
О, как ей мало места надо! –
Она мертва, твоя сестра.
Пощады нет, мольба напрасна,
Когда и то, что так прекрасно,
Не дожинает до утра.

Отдай же молодость веселью!
Пока зима не гонит в келью,
Пока ты вся еще в цвету,
Лови летящее мгновенье –
Холодной вьюги дуновенье,
Как розу, губит красоту.

(Перевод В. Левика)

Quand vous serez bien vieille, au soir à la chandelle,
Assise auprès du feu, dévidant et filant,
Direz chantant mes vers, en vous émerveillant :
« Ronsard me célébrait du temps que j'étais belle. »

Lors vous n'aurez servante oyant telle nouvelle,
Déjà sous le labeur à demi sommeillant,
Qui au bruit de Ronsard ne s'aille réveillant,
Bénissant votre nom de louange immortelle.

Je serai sous la terre, et fantôme sans os
Par les ombres myrteux je prendrai mon repos ;
Vous serez au foyer une vieille accroupie,

Regrettant mon amour et votre fier dédain.
Vivez, si m'en croyez, n'attendez à demain :
Cueillez dès aujourd'hui les roses de la vie.

(Sonnets pour Hélène, 1587)

Когда на склоне лет и в час вечерний, чарам
стихов моих дивясь и грезя у огня,
вы скажете, лицо над пряжею склоня:
весна моя была прославлена Ронсаром, –

при имени моем, служанка в доме старом,
уже дремотою работу заменя, –
очнется, услышав, что знали вы меня,
вы, – озаренная моим бессмертным даром.

Я буду под землей, и, призрак без костей,
покой я обрету среди миртовых теней.
Вы будете, в тиши, склоненная, седая,

жалеть мою любовь и гордый холод свой.
Не ждите – от миртовых дней, цените день живой,
спешите розы взять у жизненного мая.

(Перевод В. Набокова)

Quand vous serez bien vieille, au soir à la chandelle,
Assise auprès du feu, dévidant et filant,
Direz chantant mes vers, en vous émerveillant :
« Ronsard me célébrait du temps que j'étais belle. »

Lors vous n'aurez servante oyant telle nouvelle,
Déjà sous le labeur à demi sommeillant,
Qui au bruit de Ronsard ne s'aille réveillant,
Bénissant votre nom de louange immortelle.

Je serai sous la terre, et fantôme sans os
Par les ombres myrteux je prendrai mon repos ;
Vous serez au foyer une vieille accroupie,

Regrettant mon amour et votre fier dédain.
Vivez, si m'en croyez, n'attendez à demain :
Cueillez dès aujourd'hui les roses de la vie.

(Sonnets pour Hélène, 1587)

Когда уж старенькой, со свечкой, перед жаром
Вы будете сучить и прясть в вечерний час, –
Пропев мои стихи, вы скажете, дивясь:
«Я в юности была прославлена Ронсаром!»

Тогда последняя служанка в доме старом,
Полузаснувшая, день долгий натрудясь,
При имени моем согнав дремоту с глаз,
Бессмертною хвалой вас окружит недаром.

Я буду под землей и – призрак без кости –
Смогу под сенью мирт покой свой обрести, –
Близ углей будете старушкой вы согбенной

Жалеть, что я любил, что горд был ваш отказ...
Живите, верьте мне, ловите каждый час,
Роз жизни тотчас же срывайте цвет мгновенный.

(Перевод С. Шервинского)

When you are old and grey and full of sleep,
And nodding by the fire, take down this book,
And slowly read, and dream of the soft look
Your eyes had once, and of their shadows deep;

How many loved your moments of glad grace,
And loved your beauty with love false or true,
But one man loved the pilgrim soul in you,
And loved the sorrows of your changing face;

And bending down beside the glowing bars,
Murmur, a little sadly, how Love fled
And paced upon the mountains overhead
And hid his face amid a crowd of stars.

(William Butler Yeats)

Joachim Du Bellay (1522–1560)

Je ne veux point fouiller au sein de la nature,
Je ne veux point chercher l'esprit de l'univers,
Je ne veux point sonder les abîmes couverts,
Ni dessiner du ciel la belle architecture.

Je ne peins mes tableaux de si riche peinture,
Et si hauts arguments ne recherche à mes vers :
Mais suivant de ce lieu les accidents divers,
Soit de bien, soit de mal, j'écris à l'aventure.

Je me plains à mes vers, si j'ai quelque regret :
Je me ris avec eux, je leur dis mon secret,
Comme étant de mon coeur les plus sûrs secrétaires.

Aussi ne veux-je tant les peigner et friser,
Et de plus braves noms ne les veux déguiser
Que de papiers journaux ou bien de commentaires.

(Les Regrets)

Блуждать я не хочу в глубокой тьме природы,
Я не хочу искать дух тайны мировой,
Я не хочу смотреть в глубь пропасти глухой,
Ни рисовать небес сверкающие своды.

Высоких образов я не ищу для оды,
Не украшаю я картины пестротой,
Но вслед событиям обители земной
В простых словах пою и благо и невзгоды.

Печален ли, – стихам я жалюсь своим,
Я с ними радуюсь. Вверяю тайны им,
Они наперсники сердечных сожалений.

И не хочу я их рядить иль завивать,
И не хочу я им иных имен давать,
Как просто дневников иль скромных сообщений.

(Перевод В. Давиденковой)

Cependant que tu dis ta Cassandre divine,
Les louanges du roi, et l'héritier d'Hector,
Et ce Montmorency, notre français Nestor,
Et que de sa faveur Henri t'estime digne :

Je me promène seul sur la rive latine,
La France regrettant, et regrettant encor
Mes antiques amis, mon plus riche trésor,
Et le plaisant séjour de ma terre angevine.

Je regrette les bois, et les champs blondissants,
Les vignes, les jardins, et les prés verdissants
Que mon fleuve traverse : ici pour récompense

Ne voyant que l'orgueil de ces monceaux pierreux,
Où me tient attaché d'un espoir malheureux
Ce que possède moins celui qui plus y pense.

Пока Кассандре ты поешь хвалы над Сеной,
Где правнук Гектора тобой, Гомеру вслед,
И Нестор Франции – Монморанси – воспет,
Где милостью король тебя дарит бессменной,

Я у латинских вод, как Рима данник пленный,
Грущу о Франции, о дружбе прошлых лет,
О тех, кого любил, кого со мною нет,
И о земле Анжу, изгнаннику священной.

Грущу о тех садах, о рощах и лугах,
О виноградниках, о милых берегах
Моей родной реки. И внемлет мне в пустыне

Лишь гордый мир камней, недвижимый, неживой,
С которым связан я надеждой роковой
Достигнуть большего, чем я сумел доныне.

(Перевод В. Левика)

А. С. ПУШКИН

(1799-1837)

ЭЛЕГИЯ

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино – печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильнее.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и треволненья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть – на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

[1830]

1.

«Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог.
Его пример другим наука;
Но, боже мой, какая скука
С больным сидеть и день и ночь,
Не отходя ни шагу прочь!
Какое низкое коварство
Полуживого забавлять,
Ему подушки поправлять,
Печально подносить лекарство,
Вздыхать и думать про себя:
Когда же черт возьмет тебя!»

My uncle, man of firm convictions...
By falling gravely ill, he's won
A due respect for his afflictions –
The only clever thing he's done.
May his example profit others;
But God, what deadly boredom, brothers,
To tend a sick man night and day,
Not daring once to steal away!
But, oh, how base to pamper grossly
And entertain the nearly dead,
To fluff the pillows for his head,
And pass him medicines morosely –
While thinking under every sigh:
The devil take you, Uncle. Die!

(James E. Fallen)

2.

Так думал молодой повеса,
Летя в пыли на почтовых,
Всевышней волею Зевеса
Наследник всех своих родных.
Друзья Людмилы и Руслана!
С героем моего романа
Без предисловий, сей же час
Позвольте познакомить вас:
Онегин, добрый мой приятель,
Родился на берегах Невы,
Где, может быть, родились вы
Или блистали, мой читатель;
Там некогда гулял и я:
Но вреден север для меня.

Just so a youthful rake reflected,
As through the dust by post he flew,
By mighty Zeus's will elected
Sole heir to all the kin he knew.
Ludmíla's and Ruslán's adherents!
Without a foreword's interference,
May I present, as we set sail,
The hero of my current tale:
Onégin, my good friend and brother,
Was born beside the Neva's span,
Where maybe, reader, you began,
Or sparkled in one way or other.
I too there used to saunter forth,
But found it noxious in the north.

(James E. Fallen)

20.

Театр уж полон; ложи блещут;
Партер и кресла – все кипит;
В райке нетерпеливо плещут,
И, взвившись, занавес шумит.
Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимф окружена,
Стоит Истомина; она,
Одной ногой касаясь пола,
Другую медленно кружит,
И вдруг прыжок, и вдруг летит,
Летит, как пух от уст Эола;
То стан совет, то разовьет
И быстрой ножкой ножку бьет.

The theatre's full, the boxes glitter;
The restless gallery claps and roars;
The stalls and pit are all ajitter;
The curtain rustles as it soars.
And there... ethereal... resplendent,
Poised to the magic bow attendant,
A throng of nymphs her guardian band,
Istomina takes up her stand.
One foot upon the ground she places,
And then the other slowly twirls,
And now she leaps! And now she whirls!
Like down from Eol's lips she races;
Then spins and twists and stops to beat
Her rapid, dazzling, dancing feet.

(James E. Fallen)

ОДА

(Из Анакреона)

Поредели, побелели
Кудри, честь главы моей,
Зубы в деснах ослабели,
И потух огонь очей.
Сладкой жизни мне не много
Провожать осталось дней:
Парка счет ведет им строго,
Тартар тени ждет моей.
Не воскреснем из-под спуда,
Всяк навеки там забыт:
Вход туда для всех открыт –
Нет исхода уж оттуда.

[1835]

СОНЕТ

Мадонна

Не множеством картин старинных мастеров
Украстить я всегда желал свою обитель,
Чтоб суеверно им дивился посетитель,
Внимая важному суждению знатоков.

В простом углу моем, среди медленных трудов,
Одной картины я желал быть вечно зритель,
Одной: чтоб на меня с холста, как с облаков,
Пречистая и наш божественный спаситель –

Она с величием, он с разумом в очах –
Взирали, кроткие, во славе и в лучах,
Одни, без ангелов, под пальмою Сиона.

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна,
Чистейшей прелести чистейший образец.

[1830]

ЛЮБОВНАЯ ЛИРИКА

Ночь

Мой голос для тебя и ласковый и томный
Тревожит позднее молчанье ночи темной.
Близ ложа моего печальная свеча
Горит; мои стихи, сливаясь и журча,
Текут, ручьи любви, текут, полны тобою.
Во тьме твои глаза блистают предо мною,
Мне улыбаются, и звуки слышу я:
Мой друг, мой нежный друг... люблю... твоя... твоя..

[1823]

ЭПОС

На перевод Илиады

Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи
Старца великого тень чую смущенной душой.

[1830]

